

О.И. Ревуцкий
(Мозырь, Беларусь)

Предметом исследования в данной работе являются русские поэтические тексты, строящиеся по модели «наименования водоемов (гидронимы) – наименования или обозначения человеческих существ».

Возрастание информативной сложности поэзии XX века обусловило усложнение используемых в поэтическое речи средств тропической образности. Это привело к повышенной концентрации тропов и совмещению тропов, в том числе тропических единиц разных типов, и к использованию тропов в роли текстоорганизующих и текстообразующих средств. Подобное обстоятельство явилось условием сближения науки о тропах и лингвистики текста и привело к появлению понятия текста-тропа [1].

Признаками, позволяющими относить поэтические тексты к текстам-тропам считаем такие как тропичность выражения их смыслового ядра, выделяемого путем «сжатия» его содержания, употребление элементов-тропов в сильных позициях, их повторяемость и др. К текстотипологическим признакам таких текстов относим и такие как жанровая разновидность, коммуникативная структура, схема смыслового развертывания [2, 206].

В качестве базового признака систематизации текстов-тропов в настоящей статье рассматриваем тропическую модель, которой соответствуют тропы, выполняющие функцию текстообразования.

Предметом исследования в данной работе являются тексты, строящиеся по модели «наименования водоемов (гидронимы) – наименования или обозначения человеческих существ». Такая модель выходит в более общую – предметы и абстрактные понятия – человеческие существа, которые соответствует тропу, традиционно именуемому олицетворением.

В современной филологии нередко определяется как антропоморфная метафора [3].

Из разных видов тропов, олицетворение, вероятно, являются самыми древними, поскольку они восходят к временам мифологическим, когда люди были склонны очеловечивать все окружающее: растения, небесные светила, горы, водоёмы и др.

Из группы гидронимов, в качестве опорных элементов антропоморфных метафор – *море, река*, реже – слова *океан, озеро, ручей, родник*. Эта закономерность обнаруживается и на уровне метафор текстообразующего характера.

Направления персонализации разных водоемов т. е. придание им человеческих свойств и качеств, в большей части рассмотренных нами текстов существенно разли-

чаются. Это определяется рядом факторов: наличием связанных с разными видами водоемов устойчивых ассоциаций, разными ракурсами описания и рассмотрения водоёма в текстах и факторами индивидуальности стилистического порядка и др.

За основу персонализации гидронимов в поэтических текстах наиболее часто берется их способность влиять на духовную и эмоциональную сферу. В связи с этим прием олицетворения гидронимов часто осуществляется на основе метонимической ассоциации по формуле «водоём как источник человеческих чувств – водоём как человеческое существо, обладающее этими чувствами». Пример подобного осмысления находим уже в известном стихотворении А.С. Пушкина «К морю...»: *Твой образ был на нем означен, / Он духом создан был твоим. / Как ты могуч, глубок и мрачен. / Ты, никем не укротим.*

«Очеловечивание» моря в данном тексте стало основой сравнения с ним его певца, т. е. Д. Байрона. Изображение моря как носителя высоких духовных качеств обуславливает устойчивую ассоциацию море – лирический «Я» – субъект, близкий к реальному автору. В результате этого в подобных текстах часто присутствуют два образа, находящиеся между собой в отношениях контекст – партнерство. При этом оба контекст-партнера часто наделяются отношениями близкого родства, например, мать – ребенок. По такой модели строится большая группа метафоричных текстов с опорным элементом *море*.

Так, например, в тексте Я. Смелякова «Море под окном» море характеризуется как мать, а лирический Я – субъект как ее сын: *...Полуустало плещет море и у дверей и под окном / Оно, меня, как мать ребенка, купает, словно бы в пеленках, / В своей купели голубой...*

На подобных ассоциациях строится и текст М. Матусовского «Черное море мое», в котором есть строки *море в далекие годы пело мне песни как мать, / Море меня научило грозные бури встречать*. В метафорическом образе *море-мать* одновременно воплощены черты воспитателя, который учит преодолевать жизненные невзгоды.

На образом представлении о море как родного человека основывается и текст Р. Казаковой «Прощание с морем»: *Отнимаю море от груди, обмякаю, как медуза, таю...*

Первый смысловой план приведенной метафоры связан с выходом из моря, т.е. прекращением контакта с ласковой морской водой, а вторичный смысл – это ассоциация с прекращением кормления материнским молоком. И это, в свою очередь, создает непрямо выраженное представление о море как о ребенке, а о лирическом героине, женщине – как о матери.

В приведенном выражении соотносится и фразеологизм *оторвать от сердца*, т.е. о тяжелом расставании с чем-то родным.

Показательно, что данный текст насыщен локальными тропами метонимического характера: *ты (море) моя расслабленность и собранность... слезы моего стихотворения; море–одиночество беспечальная, самому себе себя дарения.*

Имеются также метафоры соотносимые с лирическим субъектом, испытывающие духовное родство с морем... *Душа так глядит как будто бы летит чайкой с упоением парящей.*

Помимо текстов, в которых акцентируется интимное начало, встречаются и такие в которых преобладает философская направленность, т. е. утверждение единства природного и человеческого начал. Таков, например, текст Е. Винокурова «Море», в котором море выступает в роли носителя противоречивых чувств и качеств, получающих определенную оценку со стороны автора: *Я море, полюбил тебя быть может, за то, что дна не ощущаешь ты/ за то, что неизвестность тебя гложет,/но нет в тебе постыдной суеты.* Автор не осуждает море за горечь и соленый вкус его воды ибо признает мудрость всеобщих законов диалектики: *Я не дитя: не все, что горько, плохо,/ Как и не все, что сладко, хорошо.*

В стихотворении говорится и о том, что влияние морской стихии выше жизненных невзгод: *Но не уйди мне от морского гула и от счастливой сини никогда.* В таком же ключе море описывается и в стихотворении М. Дудина «Море».

В отличие от персонификации моря в качестве реальной основы которого используется представление о морском прибое, волнах ветре и т.п. олицетворение рек имеет иную направленность и связывается с их течением, перемещением воды от истоков к устью. Такой признак обуславливает параллель: течение воды – ход времени. На базе этой ассоциации строится, например, текст Р. Рождественского «Реки идут к океану», в котором движение рек к океану являются своеобразной моделью человеческой жизни от детства к юности, а затем – к старению.

Эмоциональная доминанта текстов с опорным элементом *море* связано с представлением о могучем и героическом, то олицетворению *рек* часто сопутствует мягкий лиризм. Это обуславливает и ввод в подобные тексты антропонимов с иной семантикой, применимой к рекам и малым речкам. Так нередко используются значения «*девочка*», «*девчонка*», «*женщина*». Таким образом, наименование по родству уступает место наименованиям по возрасту, что находится во взаимосвязи с осмыслением течением рек как временного процесса.

В текстах рассматриваемой серии обнаруживаются и другие направления персонификации гидронимов. Однако цель настоящей статьи состоит в том, чтобы очертить лишь те направления, которые представляются наиболее показательными.

Литература

1. Иванюк, Б.П. Стихотворение-троп как тип художественного целого (на материале произведений Ф.И. Тютчева): дис... канд. фил. наук / Б.П. Иванюк – Донецк, 1988. – 186 с.
2. Ревуцкий, О.И. Тропические аспекты, основанные на олицетворении наименований артефактов (на материале русской поэзии) / О.И. Ревуцкий. – Минск, 2014. – С. 206–209.
3. Старычонак, В.Д. Метафора ў беларускай мове на матэрыяле субстантываў. – Минск: БДПУ. 2007. – 190 с.